

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.2

EDN: NUPEGW

На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии

Ссылка для цитирования:

Пинчук О.В. На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 33–55. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2> EDN: NUPEGW

For citation:

Pinchuk O.V. (2025) At the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 4. P. 33–55. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2>

Пинчук Ольга Владимировна

Университет Фрибура,
Фрибур, Швейцария

E-mail: pinchuk_olya@list.ru

В статье предлагается переосмысление ролевой двойственности этнографа не как этической или методологической «проблемы», а как эпистемологического преимущества. Опираясь на концепцию «сценического порядка» Э. Гоффмана, я показываю, что исследователь неизбежно включен в поддержание совместной «сцены», внутри которой его позиция со-конструируется вместе с другими участниками. Такая перспектива позволяет заново взглянуть на классическую оппозицию «естественного» и «спровоцированного»: в повседневности «естественное» предстает как результат постоянных согласований, а присутствие исследователя оказывается частью нормального хода вещей и не искажает его. На этом основании вводится понятие лиминального знания — знания, возникающего в переходах между участием и наблюдением, когда подвижные границы ролей и сами переключения становятся источником аналитической чувствительности. В статье выделяются три взаимосвязанных уровня рефлексии как формы присутствия: во-первых, методологическая (корректировка способов участия в ходе полевой работы); во-вторых, структурная (включенная объективация социальных условий

познания в духе П. Бурдьё); в-третьих, аналитическая (использование телесных, аффективных и практических переживаний исследователя как эмпирического материала). Эмпирическая часть опирается на полевое исследование труда на фабрике (работа упаковщицей и оператором) и показывает, как соблюдение нормы, изобретательность в условиях поломок и локальные формы солидарности становятся видимыми лишь изнутри участия, где исследователь одновременно действует и анализирует действие. В заключении предложена рабочая типология режимов участия: участник по опыту, участник в роли, участник по умолчанию, участник в роли по опыту, — позволяющая описать спектр промежуточных позиций между «инсайдером» и «аутсайдером». Теоретический вклад статьи заключается в операционализации лиминального знания через систематическую рефлексивность и в переопределении валидности этнографического знания как прозрачности и осмысленности переходов между ролями.

Ключевые слова: этнография; ролевая двойственность; рефлексия; лиминальное знание; инсайдерство; аутсайдерство; сценический порядок; участие; наблюдение

Введение: дистанция и вовлеченность в этнографии

Этнографическое исследование сочетает аналитическую чувствительность к смысловым и практическим аспектам социальной жизни [Geertz, 1973; Burawoy, 1998] с методологической и организационной сложностью [Hammersley, Atkinson, 2007]. Оно обладает высокой эвристической силой в понимании повседневных практик [Geertz, 1973; Emerson, Fretz, Shaw, 2011], но требует от исследователя особой вовлеченности и способности выстраивать доверительные отношения в поле [Spradley, 1980; Hammersley, Atkinson, 2007; DeWalt, DeWalt, 2011].

Однако познавательная ценность этнографии постоянно переосмысливается [Clifford, 1986; Hammersley, Atkinson, 2007; O'Reilly, 2009]. Несмотря на путь, который прошли социальные науки: от представления об этнографе как об «объективном наблюдателе» [Hammersley, Atkinson, 2007: 1–3] до рефлексивного поворота [Clifford, 1986; Krause, 2021] и последовавшего за ним «кризиса рефлексивности» [Young, 2014: 279–281], — дилемма «наблюдатель и/или участник» остается центральной [Pink, 2015; Fine, Abramson, 2020; McGranahan, 2020; Bayeck, 2022; Forberg, Schilt, 2023; Yip, 2024; Seim, 2024].

Эта дилемма, или, точнее, особенность этнографии, может быть обозначена как *ролевая двойственность*. Исследователь всегда так или иначе вовлечен в социальную реальность, будучи сам ее продуктом [Berger, Luckmann, 1966], но степень, форма и практики этой вовлеченности различны. Наиболее остро ролевая двойственность проявляется там, где исследователь берет на себя роль, близкую своим информантам: например, Майкл Буравой работал на конвейере [Burawoy, 1982], Лоик Вакан тренировался как боксер [Wacquant,

2004], Кирстен Хаструп участвовала в сельских работах, живя среди рыбаков [Kolankiewicz, 2005: 342]. Однако даже если исследователь не берет на себя конкретную роль, он неизбежно опирается на собственный социальный опыт, нередко схожий с опытом информантов¹, что также делает его участником социальных процессов и действий.

В современной методологической литературе ролевая двойственность трактуется по-разному. В одних работах она рассматривается как этическая проблема, возникающая при совмещении ролей исследователя и участника (волонтера, социального работника, преподавателя), когда двойная позиция одновременно расширяет доступ к полю и усиливает риск вмешательства [Mercer, 2007; Watts, 2010; Bell, 2019]. В других — как вопрос положения исследователя в поле, связанный с устойчивым напряжением между двумя противоположными позициями — «быть своим» и «быть чужим», — на которое влияют биография, социальный опыт и отношения неравенства между исследователем и участниками [Mullings, 1999; Dwyer, Buckle, 2009; Råheim et al., 2016]. Нередко ролевую двойственность описывают и как практическую ситуацию, свойственную исследователям-практикам, когда совмещение ролей становится частью самой исследовательской работы [Coghlan, 2007; Robey, Taylor, 2018; Ryder, 2021]. В методологической перспективе этот термин описывает способ регулирования степени вовлеченности — перемещение между позициями «полного участника» и «полного наблюдателя»² [Gold, 1957; Hammersley, Atkinson, 2019]. В рефлексивных подходах двойственность понимается как динамическое состояние, побуждающее исследователя пересматривать собственную позицию [Davies, 2008; Bukamal, 2022; Yip, 2024]. В отличие от множества работ, трактующих ролевую двойственность как этическую или методологическую проблему, я рассматриваю ее не как проблему, а как *эпистемологическое преимущество*.

В этнографии аналитически различаются несколько типов знания, не сводимых друг к другу и описывающих разные регистры исследовательского опыта. Во-первых, это *эксплицитное знание* — концептуально оформленное, поддающееся вербализации и включенное в теоретические описания и интерпретации (thick description у К. Гирца; аналитическое описание у М. Хаммерсли и П. Аткинсона). Во-вторых, *неявное (tacit) знание*, которое имеет место «на фоне» практики: оно проявляется в узнаваниях, телесных навыках, чувстве

¹ Это особенно заметно в российском контексте, где исследователей с их полем часто связывает общий (пост)советский опыт, который, в свою очередь, создает эффект узнавания, но одновременно мешает замечать «само собой разумеющееся». Илья Утехин в интервью «Арзамасу», отвечая на вопрос о том, как ему удалось дистанцироваться от поля, чтобы смотреть хотя бы чуточку со стороны, ответил: «Фактически я попытался взглянуть на повседневность взглядом иностранца, который, конечно, несколько замутнен отрывочными представлениями из области общественных наук, но не слишком» [Утехин, 2023]. Далее я обозначу такую позицию как «участник по умолчанию».

² В данном случае речь идет о классической проблеме «степени включенности» — спектре исследовательских позиций от «полного участника» (полностью включенный, действующий как «свой») до «полного наблюдателя» (внешний наблюдатель, не связанный с изучаемой средой и никак не участвующий). Эта типология сформулирована Р. Голдом в 1958 году, а затем детально разработана у М. Хаммерсли и П. Аткинсона в популярном издании «Этнография: принципы на практике» (первое издание было опубликовано в 1983 году).

уместности, профессиональной интуиции и принципиально не может быть полностью выражено словами; по М. Полани, мы всегда «знаем больше, чем можем сказать» [Polanyi, 2009]. В-третьих, *практическое знание-как* (knowing how), которое относится не к скрытым интуициям, а к способности выполнять действия, осваивать операции и решать задачи через участие в практике; оно закрепляется в умении действовать, а не в способности формулировать правила [Ryle, 2000]³. В-четвертых, *телесно-чувственное* (embodied/ sensory) знание, возникающее через телесное вовлечение, восприятие, аффекты и ритмы действия [Csordas, 1994; Pink, 2015]. Наконец, можно выделить *ситуационное знание*, возникающее в порядке взаимодействия, которое производится внутри сценического порядка и поддержания совместной «сцены» [Goffman, 1959].

Между этими регистрами не существует жестких границ: в полевой работе исследователь постоянно перемещается между вербализуемым, неявным, практическим, телесным и ситуационным уровнями опыта. Поэтому мой аргумент заключается в том, что знание в этнографии рождается не вопреки двойственности, а благодаря ей — в переходах между участием и наблюдением, между «естественностью» и «спровоцированностью» ситуаций, между дистанцией и вовлеченностью, между тем, чтобы быть «инсайдером» или оставаться «аутсайдером», — то есть и в том числе между разными регистрами познания. Для аналитического обозначения именно этого переходного слоя производства знания я ввожу понятие *лиминального знания*⁴, которое возникает на фоне и в результате накопления исследовательского опыта, а именно в переключениях между участием и наблюдением, когда, во-первых, исследователь одновременно действует и анализирует свое действие; во-вторых, когда границы этих режимов подвижны; и, наконец, когда сама динамика переходов становится источником аналитической чуткости⁵.

Поскольку этнографическая работа разворачивается в переходах между участием и наблюдением, знание формируется не в устойчивых фиксированных позициях, а в процессе переходов между ними. В дальнейшем я последовательно анализирую три связанных аспекта: исторические корни проблемы ролевой двойственности и ее связь с объективистскими основаниями социальных

³ У М. Полани *неявным* является именно способ присутствия знания в опыте (оно опознается, но не проговаривается), тогда как у Г. Райла принципиально различается не неявность знания или его присутствие «на фоне практики», а логический статус *знания-как* и *знания-что*: первое существует как умение действовать, а не как скрытое высказывание о мире [Polanyi, 2009; Ryle, 2000].

⁴ В отечественной социальной науке сходную логику движения между практикой и аналитическим осмыслением развивал Т. Шанин в концепции «двойной рефлексивности» [Shanin, 1990; Shanin, 1994], где знание возникает в постоянном переходе между вовлеченным участием в социальной реальности и ее теоретическим переосмыслением. В отличие от этого подхода, фокус моего анализа смещен с макросоциальной и исторической рефлексии к микропроцессам этнографического участия: телесному присутствию, сценическим взаимодействиям и повседневному переключениям между действием и наблюдением. Поэтому лиминальное знание в данной работе описывает прежде всего опытно-полевую, ситуативную и телесно укорененную форму рефлексивного познания.

⁵ При этом опыт в данном понимании не тождествен знанию. Опыт выступает как исходный материал, однако сам по себе он еще не является знанием в строгом эпистемологическом смысле. «Превращение» опыта в знание требует работы по его фиксации, аналитической обработке, экспликации и сопоставлению с другими источниками.

наук; «сценическую» природу исследовательского участия в терминах Эрвинга Гоффмана; и формы исследовательской рефлексии, показывающие, как опыт участия становится источником знания.

Именно в этих переходах — между действием и анализом — формируется то, что я называю лиминальным знанием.

Проблема ролевой двойственности

Природа ролевой двойственности остается методологически противоречивой. С одной стороны, исследователи задаются вопросом, как участие влияет на поле — на сбор данных, их интерпретацию, анализ, публикации [Kim, Levitan, Kirsch, 2023; Forberg, Schilt, 2023; Seim, 2024]. С другой стороны, вовлеченность рассматривается как ресурс: если не познавательный, то по крайней мере практический, поскольку она облегчает доступ в поле и построение доверительных отношений [Bayeck, 2022; Watson, Lupton, Michael, 2022].

Корни проблемы уходят в позитивистские основания социальных наук, где вера в возможность объективности и невовлеченного наблюдения была исходной точкой [Atkinson, 2014; Hammersley, Atkinson, 2019]. С осознанием неизбежности влияния исследователя на поле [Denzin, 2018] усилились и попытки его устранить или нейтрализовать [LeCompte, Schensul, 2010; Calvey, 2017; Kim, Levitan, Kirsch, 2023; Watson, Lupton, Michael, 2022].

Уже классические этнографы сталкивались с эффектами двойственности: например, публикация дневников Бронислава Малиновского⁶ выявила, как эмоциональная вовлеченность и участие сосуществовали с представлением об объективном наблюдателе [Young, 2014: 288]. Малиновский, оставаясь «чужим», был непосредственным участником и тем не менее продолжал верить, что исследователь должен «дать фактам говорить самим за себя» [Malinowski, 1922: 15].

В социологии исследователи Чикагской школы первыми заявили о необходимости личного участия в жизни изучаемых сообществ [Adler, Adler, 1987: 3]. Уже тогда встал вопрос: насколько глубоко можно включаться, чтобы не потерять аналитическую дистанцию? Появилась метафора *becoming native* (*going native*) — риск стать «своим» и таким образом утратить способность видеть аналитически [Adler, Adler, 1987]. Исследователь как будто разрывался между двумя полюсами: с одной стороны, социальные взаимодействия вовлекали все глубже, с другой — академическая логика возвращала к необходимости удерживать исследовательскую позицию.

Это напряжение затрагивает и идентичность ученого: желание не «слишком вживаться» отражало страх потерять связь с академическим полем.

⁶ Личные дневники Бронислава Малиновского были впервые опубликованы посмертно в 1967 году под заголовком *A Diary in the Strict Sense of the Term*. Их выпустила вдова Малиновского, Валетта Свэнн, с предисловием Рэймонда Фирта. Сами записи включали заметки, которые Малиновский вел во время полевых работ в 1914–1915 годах и 1917–1918 годах в Новой Гвинее и на островах Тробриан.

Например, Дэвид Хаяно, изучая игроков в покер, признался, что чувствовал себя комфортнее за игровым столом, чем в университете [Hayano, 1982: 149]. За несколько лет полевой работы он стал признанным игроком — и, тем не менее, он стал не «только игроком»: по завершении поля работа с дневниками и над будущей книгой помогли ему дистанцироваться и вернуть аналитический взгляд.

Пример Хаяно показывает, что двойственность может быть описана не как состояние, подлежащее устранению, а как неизбежный режим работы исследователя: да, она требует осмысления, но не выступает как техническая «проблема», имеющая методическое решение. Напротив, она встроена в саму логику полевой работы.

Эверетт Хьюз писал, что исследователь всегда находится «на границе» социальных миров: «Хорошая социология всегда является маргинальным феноменом» [Hughes, 1993: 529]. Для него «бесконечная диалектика между ролью члена и чужака» — сущностное условие полевой работы [Hughes, 1993: 502].

Таким образом, с одной стороны, напряженность ролевой двойственности является устойчивой частью этнографической практики, однако, с другой стороны, представление о ней как о «проблеме, которую необходимо решать», во многом сконструировано внутри самой науки и связано с тем, как ученые понимают процесс познания и его ограничения.

Между наблюдением и действием

Вопрос о ролевой двойственности неотделим от другой классической дилеммы — различия между «естественным» и «спровоцированным» в поле [Monahan, 2010]. Уже ранние этнографы стремились различать то, что «происходит само», и то, что возникает в ответ на присутствие исследователя [Fine, 1993]. Но, как показывает опыт, это различие неустойчиво: в реальной полевой ситуации «естественное» поведение формируется в ответ на это присутствие.

Кирстен Хаструп, анализируя собственное исследование в Исландии, предложила понятие *этнографического настоящего* — времени и пространства совместного существования исследователя и участников, где мир не открывается как «иной», а временно собирается по-новому [Hastrup, 1990: 45–61]. Для Хаструп это особое, лиминальное состояние между культурами — ее собственной и культурой тех, среди кого она живет в поле.

Она описывает, как постепенно «вписывала себя» в распорядок дня и телесную рутину деревенской жизни — доение коров, засолку рыбы, участие в других заготовках: «Я узнала, что утренний холод, тяжесть ведра и запах скисшего молока — это не просто обстоятельства, а способ быть во времени этого места» [Hastrup, 1995: 117–119]. Здесь телесность — это форма становления в поле, когда исследователь начинает чувствовать ритм жизни сообщества через физическое участие.

Из этого опыта вытекает важный методологический вывод: граница между «естественным» и «спровоцированным» не просто размыта — она перестает быть аналитически продуктивной. Этнограф живет в режиме *двойного присутствия*: он участвует в создании социального мира и одновременно наблюдает, как этот мир создается другими.

Такое двойное присутствие делает понятие *естественного* контекстуальным. Оно не обозначает некую автономную реальность, существующую независимо от исследователя, а указывает на форму совместного действия, в которой его присутствие становится частью нормального хода вещей. В поле, где исследователь живет, работает и разговаривает с другими, его поведение включается в систему взаимных ожиданий и оценок — в саму структуру повседневности.

Когда Хаструп помогает с тяжелой работой, участвует в деревенских собраниях, праздниках или похоронах, она чувствует себя одновременно внутри и вне происходящего. Присутствие этнографа часто приводит к возникновению лиминального пространства: невозможно быть полностью «внутри», потому что сама его роль всегда немного отличается; и невозможно быть полностью «вне», потому что участие вовлекает телесно и эмоционально.

В этом смысле «естественное» поведение других не существует без исследователя: его присутствие становится частью общего взаимодействия, которое все вместе поддерживают. Как показал Г. Гарфинкель [Garfinkel, 1967], нормальность — это не фон, а эффект усилий по ее поддержанию: таким образом, «естественное» становится продуктом постоянных «согласований», а не их исходной предпосылкой.

Следовательно, в этнографическом смысле естественное — это не свойство реальности, а результат совместного труда по ее воспроизводству. Оно поддерживается множеством мелких действий и реакций, в которых участвует каждый — включая исследователя. Это делает возможным лишь одно существенное различие: между *намеренно* инсценированным и совместно поддерживаемым. В первом случае исследователь задает сценарий и контролирует границы (как в эксперименте); во втором — он включен в совместное действие, где «сценарий» устанавливается коллективно.

Можно заключить, что этнографическое участие погружает исследователя в *лиминальную ситуацию* — состояние между наблюдением и действием, между отстраненностью и включенностью. Здесь «естественное» и «спровоцированное» не противопоставлены, а поддерживают друг друга: присутствие исследователя не нарушает естественный ход вещей — оно и есть его часть.

Таким образом, поле не существует как «естественная среда», к которой исследователь просто присоединяется: оно собирается заново в каждом действии, где наблюдение и участие взаимно формируют друг друга. Если у Хаструп эта взаимность осмысливается через телесное присутствие и чувственный опыт, то у Гоффмана, на которого я опираюсь дальше, она проявляется в самой структуре социального взаимодействия — в ролевых отношениях, которые делают совместное действие возможным.

Участие как сценическое взаимодействие

Понятие ролевой двойственности описывает общую ситуацию исследовательского участия, а «сцена» (в гоффмановском смысле) позволяет рассмотреть, как именно это участие разыгрывается в повседневных взаимодействиях. Любое социальное взаимодействие по Гоффману организовано как сценическое представление: люди не просто действуют, они разыгрывают себя перед другими, управляя впечатлениями и подстраиваясь под контекст и аудиторию [Goffman, 1959: 252–253]. Это касается и исследователя, который, начиная работать в поле, неизбежно становится частью этого сценического порядка. Его «роль» формируется не только исследовательской задачей, но и реакциями других, которые вместе с ним поддерживают общий ритуал взаимодействий [Goffman, 1959: 79]. Исследователь, как и другие участники, действует в разных ролях, становясь частью «труппы», совместно поддерживающей согласованный порядок и образ реальности [Goffman, 1959: 79, 253].

Любое действие, нарушающее этот порядок, воспринимается как угроза и подрывает то, что Гоффман называл «порядком выражений» (*expressive order*) [Goffman, 1959: 13]. Разрывы в тонкой, но цельной социальной ткани возможны лишь в специально сконструированных вмешательствах, например в гарфинкелевских экспериментах по нарушению норм взаимодействия [Garfinkel, 1967]. Этнограф же, напротив, не может позволить себе такие сбои: он уже встроен в происходящее и сам участвует в поддержании сценического порядка. Любое сознательное нарушение этого порядка разрушило бы не только общую сцену, но и его собственную роль в ней.

Тем не менее «разрывы» случаются и без намерения исследователя. Его участие в поле всегда несколько отличается от участия других. Эта инаковость заложена в самой логике полевого взаимодействия: этнограф остается фигурой, слегка отличающейся от других, как минимум потому, что он не только «участник», но и «наблюдатель». К тому же большинство исследователей попадает в контексты, которые для них новы. В роли новичка этнограф вынужден *учиться быть членом группы* и осваивает это через знакомые формы поведения. Так он не столько конструирует новую роль, сколько адаптирует прежние модели действий, чтобы вписаться в общий порядок взаимодействий⁷.

Поддержание гоффмановского порядка — не только социальное, но и аналитическое условие. Именно в совместном поддержании сцены «рождаются»

⁷ Современные исследователи возвращаются к гоффмановской метафоре сцены, но расширяют ее за пределы ролевого взаимодействия — включают телесное, аффективное и технологическое измерения участия. Сара Пинк мыслит поле как чувственную среду, где восприятие, движение и телесная сонастройка становятся частью самого процесса познания [Pink, 2015]. Аманда Коффи показывает, что исследовательская идентичность не предшествует полю, а разыгрывается в нем как серия актов самоописания и самонаблюдения [Coffey, 1999]. Томас Стодулка рассматривает эмоциональную вовлеченность ученого как форму исследовательского труда, показывая, что она становится частью данных [Stodulka, 2015]. Как пишут Кэрол Роджерс-Шоу, Джинхи Чхве и Дэвин Карр-Челлман, управляемый эмоциональный труд — часть сценического порядка [Rogers-Shaw, Choi, Carr-Chellman, 2021]. Джилл А. Фишер и Торин Монахан добавляют, что участие и эмоциональное взаимодействие исследователя и участника совместно формируют знание [Fisher, Monahan, 2023]. Все это позволяет утверждать, что участие исследователя перестает быть лишь методом и становится способом знания — формой, которую я называю *лиминальным знанием*.

данные: исследователь наблюдает не «объективную реальность», а то, как она воспроизводится участниками, включая его самого. Это меняет и понимание валидности этнографического знания. В позитивистской логике достоверность достигается через дистанцию и контроль над влиянием, здесь же она основана на прозрачности описания сценических поддержек — тех практик, которые делают наблюдение возможным.

Таким образом, «сцена» — это не просто метафора, а реальное пространство, в котором исследователь, как и другие участники, ежедневно заново определяет свое место и роль. Именно здесь становятся видны разные формы участия — от адаптации к нормам до их осторожного нарушения. Эти формы можно наблюдать в конкретных примерах полевой работы — именно в них проявляется переходность исследовательской позиции, когда участие становится наблюдением, а наблюдение — формой участия. Именно эта переходность и лежит в основе того, что я называю *лиминальным знанием*.

Ролевые репертуары в полевой работе

Механизмы ролевой адаптации и сценического взаимодействия становятся особенно заметны в конкретных ситуациях полевой работы. Ниже я анализирую эпизоды из собственного исследования труда на фабрике⁸, где динамика участия и дистанции проявляется наиболее ясно — не как абстрактная дилемма, а как ежедневное практическое движение между разными позициями.

В первые месяцы работы мои коллеги из университетской лаборатории, где я тогда числилась научным сотрудником, советовали устроить небольшую провокацию, чтобы «проверить реакцию», например, во время смены сказать: «Я больше работать не буду! Не хочу и все!», или в курилке начать призывать к бойкоту начальства.

На фабрике, где я работала упаковщицей и оператором, оборудование было изношено, и эти проблемы постоянно обсуждались. Рабочие жаловались, что машины ломаются, что начальству все равно, что работать из-за этого тяжело. В курилке разговоры об этом звучали почти ежедневно. Возникал вопрос: почему, осознавая проблему, рабочие продолжают работать, не предпринимая коллективных действий? Так что подобная провокация, вероятно, позволила бы увидеть, где проходят границы допустимого поведения и как быстро рушится согласованный порядок. Но на практике я не могла этого сделать. Я уже заняла определенное место на «сцене»⁹: на фабрике меня знали как ответственную и старательную работницу, мне помогали и учили как

⁸ По результатам этого исследования опубликована книга и несколько статей [см. Пинчук, 2018; 2021; 2022]. Полевая работа длилась с августа 2016 года по август 2017 года на подмосковной конфетной фабрике IRISKI (название изменено).

⁹ Важно подчеркнуть, что данным примером я не стремлюсь показать, что «сценическое взаимодействие» и, как следствие, лиминальность положения социального исследователя раскрываются только в длительном наблюдении. Как уже было сказано выше, это в целом свойственно работе социального исследователя: он всегда остается частью общества. Поэтому даже когда исследователь приходит брать интервью, он становится частью «сценического взаимодействия».

новенькую. Любое действие, разрушающее этот образ, означало бы «сорвать спектакль» — нарушить ту ролевую целостность, которую поддерживали другие, и потерять доверие, на котором держались наши отношения.

Этот эпизод показывает, что *доверие в поле* — не внешнее условие доступа, а внутренний элемент сценического порядка. Оно не только открывает возможность взаимодействия, но и структурирует саму сцену, задавая границы допустимого для исследователя.

Тогда мне казалось, что дело просто в этике, — не хотелось провоцировать конфликт или разочаровывать людей. Позже я поняла две вещи. Во-первых, то, как я себя вела и как «зарекомендовала», было следствием не столько исследовательской прагматики, сколько моих привычных репертуаров представления себя — того, что Гоффман называл *performance*, управлением впечатлением, которое производишь на других. В обычной жизни мне важно, чтобы меня воспринимали как ответственного и надежного человека, и в отношениях на фабрике я воспроизводила тот же образ, выражая через поведение то, что Гоффман называл официально признаваемыми ценностями общества [Goffman, 1959: 35].

Во-вторых, заработав репутацию «ответственной» коллеги, я уже не могла совершить действия, которые перечеркнули бы этот образ. Это было не столько проявлением исследовательской осторожности, сколько внутренней зависимостью от сценического порядка: нарушить его означало бы разрушить не только собственную роль, но и само совместное представление. Я не боялась потерять доступ к полю — я боялась подвести коллег, «сорвать спектакль», поскольку я «играла вместе» с остальными — в спектакле ответственных, находчивых рабочих, которые жалуются на начальство за спиной, но при этом чинят машины и гордятся своей смекалкой.

Исследовательская роль формируется не произвольно, а через воспроизведение нормативных образов, признанных в данном контексте. Поле не только раскрывает индивидуальные качества исследователя, но и дисциплинирует их, превращая привычные ролевые репертуары в условие участия. Однако адаптация к полю не равна пассивному следованию нормам. Иногда она принимает форму инициативы или несогласия, которые тоже встроены в общий порядок взаимодействий. Устав от постоянных поломок машин и видя бездействие коллег, я решила действовать сама и, используя компьютер в цехе, стала писать электронные письма руководству — объясняя, что не так с оборудованием и какие меры необходимы. Сначала мои действия вызывали недоверие, но, когда они начали приносить результат, коллеги подключились и начали помогать писать письма. Этот сдвиг показывает, что границы допустимого участия не заданы заранее: они формируются в процессе взаимодействия и могут расширяться вместе с изменением коллективных ожиданий. Таким образом, инициативность исследователя — не вмешательство «извне», а одна из форм участия в сцене. В ходе полевой работы она становится частью совместного порядка, если вписывается в его ритм и язык.

Не всякая инициатива вызывает одобрение, но несогласие не обязательно разрушает сцену. Примером может служить наблюдение социолога Андрея

Алексеева¹⁰. Он устроился на завод наладчиком координатно-револьверного пресса, который не использовался уже год. Алексеев пытался восстановить работу пресса, поскольку иначе у него совсем не было бы работы, а он не понимал, как это — сидеть без дела. Алексеев писал письма администрации и требовал вызвать специалиста. Его активность смущала коллег, но в итоге пресс был отремонтирован и запущен. Эти действия могли выглядеть как нарушение порядка, но фактически оставались внутри общей логики производственных отношений.

Действия Алексеева можно интерпретировать не как сознательную «исследовательскую провокацию», которая, скорее, была проявлением его личных ролевых привычек — готовности действовать, если что-то идет не по регламенту. Его «спектакль» отличался от моего: он играл роль работника, не желающего мириться с тем, что сам называл «разгильдяйством», и тем самым воспроизводил другой сценарий допустимого участия. Какими бы ни были ролевые репертуары этнографа и социального ученого, он не просто наблюдает «спектакль» — он становится одним из актеров, чье присутствие помогает удерживать сцену.

Эти случаи показывают, что исследовательское знание рождается не из фиксации стабильных ролей — поскольку никогда не ясно, что именно и как следует зафиксировать, — а из самой работы с их границами. Поле — не только пространство наблюдения, но и *лиминальное состояние*, где исследователь постоянно перемещается между действием и анализом, между вовлеченностью и дистанцией. Однако это еще не объясняет, как именно такое знание возникает. Сам по себе опыт перехода — участие, переключение, колебание «между» — не превращается в анализ автоматически. Чтобы лиминальное положение стало пространством познания, исследователь должен осмысливать эти смещения, фиксировать их и придавать им форму. Именно этот процесс — многоэтапная работа по осмыслению, фиксации и аналитическому преобразованию опыта — и есть то, что в современной методологии обозначается как *рефлексия*.

Рефлексия как форма присутствия в поле

Если принять гоффмановскую перспективу, участие исследователя в поле не оставляет сомнений в том, что он влияет на происходящее. Однако это влияние не уникально: оно соизмеримо с тем, как любое взаимодействие влияет на его участников. Поле — не статичная сцена, а постоянно воспроизводимое

¹⁰ Ранее я подробно разбирала случай Андрея Алексеева в другой статье [см. Пинчук, 2022] и в своей диссертации [Пинчук, 2025]. Алексеев работал на советском предприятии в Ленинграде в 1980-е годы, ведя дневник наблюдений. Его полевая работа, продолжавшаяся около восьми лет, стала скорее частью его жизненного пути, нежели ограниченным исследовательским проектом. В процессе этой работы он стремился внести вклад в развитие методологии, обосновывая свой подход, который называл «наблюдающим участием». Центральное место в нем занимали «моделирующие ситуации» — ситуации, организованные самим исследователем на основе естественных предпосылок с целью «обнажения» или «заострения» наблюдаемого социального явления или процесса [Алексеев, 2003].

пространство отношений, где люди уточняют границы допустимого, реагируют друг на друга, подтверждают или пересматривают свои роли. Исследователь вовлечен в этот процесс: его действия становятся частью общего ритма, он сам постепенно встраивается в контекст и со временем перестает быть внешним по отношению к нему. Поэтому следующий вопрос — эпистемологический, он звучит уже не как методологическое сомнение — влияет ли исследователь на поле, — а как вопрос о том, что именно превращает это влияние в знание.

В предыдущем разделе я показала, что участие в поле всегда ролевое, а исследователь включается в сценический порядок, где доверие, дисциплина и совместное представление поддерживают общую игру. Однако одно лишь участие, каким бы глубоким оно ни было, не превращается в знание само по себе. Вслед за К. Дэвис [Davies, 2008], А. Коффи [Coffey, 1999] и П. Бурдьё [Bourdieu, 2003] я понимаю рефлексия не как единичный акт «перевода» опыта в анализ, а как многоуровневую аналитическую работу, включающую одновременно методические коррекции, объективацию собственной позиции и использование пережитого как эмпирического материала. Чтобы опыт стал анализом, необходима рефлексия — то, что переводит его из сферы действия в сферу понимания. Рефлексия — это не надстройка над эмпирическим материалом, а условие, без которого участие исследователя остается лишь проживанием повседневности.

Публикация дневников Бронислава Малиновского в каком-то смысле запустила осознание этой проблемы. По выражению Майкла Янга, она вызвала «кризис совести в антропологии» [Young, 2014]. Эти записи показали, что фигура исследователя не может быть нейтральной: за внешней методической сдержанностью всегда стоят эмоции, сомнения, раздражение и привязанности. К концу 1960-х годов и в антропологии, и в социологии возникла потребность пересмотреть основания научного знания, поставив в центр не наблюдение, а позицию наблюдателя.

Так в социальных науках оформилось понятие *рефлексивность*. Изначально оно трактовалось сравнительно узко — как внимательность к предвзятостям, ошибкам интерпретации и влиянию личности на материал [Becker, 1958]. Постепенно акцент сместился: от фиксации ошибок — к анализу телесности, аффектов, нарративов исследователя [Clifford, Marcus, 1986]. В последние десятилетия центр тяжести снова сместился от интроспекции к исследованию структурных условий, в которых производится знание [Bourdieu, 2003; Krause, 2021]. Тем самым рефлексия перестает быть жестом самоконтроля и становится формой присутствия — способом превращать участие в познание.

Несмотря на разнообразие подходов, в современной методологии можно выделить три взаимосвязанных уровня работы с рефлексией: методологический, структурный и аналитический. Вместе они образуют не последовательность, а динамику — разные точки, между которыми движется исследователь, превращая опыт участия в знание.

Методологическая рефлексия: реакция и корректировка

На первом уровне рефлексия выступает частью метода. Речь идет не о пост-фактум-описании, а о постоянной работе с собственными решениями, реакциями и дистанцией. Следя за тем, как складываются отношения в поле, исследователь уточняет ритм наблюдения, степень вовлеченности, форму взаимодействия [Becker, 1958; Rubinstein, 2012].

В начале моей полевой работы я была упаковщицей в цехе, где упаковывали ириски. Я знала, что со временем перейду на должность оператора и буду закреплена за одной машиной. Наблюдая за тем, как изо дня в день воспроизводятся мои статус и роль, я заметила, что, будучи упаковщицей, я физически уставала сильнее, но оставалась более подвижной — могла общаться с разными людьми, видеть разные участки производства, включаться в разные ситуации. Это расширяло спектр наблюдений и помогало удерживать исследовательскую перспективу. Поэтому при первой возможности я вызывалась помогать в другие цеха.

В этом решении не было заранее спланированной стратегии. Оно родилось из рефлексии и наблюдения за тем, как складываются мои позиции в поле и что именно делает возможным более широкое видение происходящего. Как отмечал Говард Беккер, «участник-наблюдатель может увидеть, как поведение [других] меняется по мере изменения ситуации, и наблюдать процессы, посредством которых происходят эти изменения» [Becker, 1958: 653]. Этот сдвиг от фиксации событий к осмыслению собственных действий и решений превращает участие в инструмент анализа. Рефлексия здесь выступает не как контроль, а как способ адаптации — форма движения между участием и наблюдением, когда исследователь учится управлять самим процессом включенности.

Структурная рефлексия: объективация позиций

Второй уровень смещает внимание с методических решений на саму позицию исследователя. Пьер Бурдьё вводит понятие включенной объективации (participant objectivation) — анализа социальных условий, которые делают возможным сам акт познания [Bourdieu, 2003: 282]. Исследователь должен направлять взгляд не только на «объект», но и на категории, институты и формы власти, через которые он видит этот объект.

Бурдьё показывает, что анализ невозможен без осмысления собственного социального положения. Он сопоставляет свои полевые исследования в Кабилии с наблюдениями в родной деревне Беарна и приходит к выводу, что категории, через которые он описывал кабийское общество, — представления о чести, родстве, мужской власти — выросли из тех же социальных структур, внутри которых формировалось его собственное мировоззрение. Тем самым Бурдьё обнаруживает, что академический взгляд на «другую культуру» никогда не бывает нейтральным: он опирается на те же иерархии пола, класса и образования, которые исследователь пытается анализировать.

Речь идет не просто о личных предвзятостях, а о социальных условиях возможности самого научного познания [Bourdieu, 2003: 287–290]. Такой подход выводит рефлексию за пределы индивидуального самоанализа: он позволяет рассматривать, какие структурные силы — гендерные, институциональные, политические — встраивают исследовательский взгляд в определенный режим видимости.

В моей полевой работе это проявлялось в постоянных попытках понять, как мой собственный социальный опыт — в частности, отсутствие личного опыта фабричного труда, — влияет на то, что и как я замечаю. Я фиксировала в дневнике, что особенно тяжело переносила ночные смены и ощущала этот график как физически изнуряющий и нечеловеческий. Но, наблюдая за тем, как мои коллеги по бригаде спокойно выходят в ночные смены и поддерживают привычный ритм, я поняла, что они переживают этот режим иначе — и эмоционально, и телесно. Для меня же это был первый опыт жизни по производственному расписанию, и потому сам мой способ ощущать время и усталость был частью моего социального положения как исследовательницы, пришедшей «со стороны». Рефлексия здесь перестает быть личным актом; она становится способом анализа самой науки как поля власти, где условия познания — гендер, класс, профессиональный статус — определяют, что именно можно увидеть и назвать знанием.

Аналитическая рефлексия: опыт участия как материал анализа

Третий уровень рефлексии превращает личный опыт в эмпирический материал. Здесь исследователь использует собственные чувства, телесные реакции, вовлеченность и эмоциональные колебания как источник понимания — как способ видеть социальные смыслы изнутри.

В феноменологической традиции рефлексия укоренена в телесном и чувственном опыте [Csordas, 1994; Katz, 1999]: переживание становится формой познания. Кирстен Хаструп показывает, что участие в повседневных ритмах — холод, усталость, запах рыбы и молока — позволяет уловить, как из телесного опыта рождаются культурные значения [Hastrup, 1992]. В прагматической традиции Майкл Буравой благодаря своему участию в производственном процессе в роли рабочего смог увидеть механизм воспроизводства власти и согласия [Burawoy, 1982: 80]. А Лоик Вакан, исследуя боксерский зал, соединил социологический анализ Бурдьё с телесной вовлеченностью¹¹: боль, усталость и физическая дисциплина стали способом понять, как через практику тела воспроизводятся социальные различия и гендерные иерархии [Wacquant, 2004]. Во всех примерах аналитическая чувствительность рождается не на дистанции, а в момент самого участия.

¹¹ Лоик Вакан связывает свою «телесную» социологию с феноменологией М. Мерло-Понти, где знание рождается не «о теле», а из тела — в непосредственном, телесно переживаемом действии, возникающем в конкретных ситуациях и отношениях. Соединяя феноменологический интерес к телесному опыту с бурдьезианским понятием «габитус» (habitus), Вакан развивает подход, который сам называет «энактивной этнографией» [Adloff, Wacquant, 2015; Wacquant, 2005].

Майкл Буравой, работая на заводе Allied токарем, заметил, что выполнение нормы превращается в локальную «игру» (making out) с собственными правилами. «Сделать норму» — это не просто выдать нужное число деталей, а выстроить сеть взаимных уступок и негласных соглашений: как распределить заказы, кого подстраховать, как не «испортить расценку»¹². Здесь конкуренция переплетена с координацией: рабочие одновременно меряются выработкой и договариваются о «честных» оценках и помощи. Участие в этой игре показало ему, что власть не существует вне производственного процесса — она вплетена в ткань повседневности. Пока он сам «гнал норму», торговался за «справедливую» оценку и переживал удачные и провальные смены, становилось ясно, что согласие не навязывается извне, оно воспроизводится в самой игре, где выполнение плана становится знаком профессиональной чести, а подчинение — формой соучастия [Burawoy, 1982: 51–73].

Мой собственный опыт полевой работы на фабрике также показывает, как участие становится способом анализа. В начале работы я переживала этот ритм с ночными сменами как насилие над телом и временем человека. Но для моих коллег заводской ритм не имел столь выраженного драматического характера: он стал частью их телесного распорядка, который структурировал не только труд, но и повседневную жизнь. Циклично сменяющиеся графики — утренние, вечерние, ночные смены — определяли режим сна, питания, даже способы проведения времени с детьми. Это подчинение темпоральности завода создавало особые формы зависимости от предприятия и влияло на отношение рабочих к месту, где они трудились.

Когда, в своем поле, я стала оператором упаковки и отвечала за собственную машину, я увидела, как солидарность формируется вокруг поломки машины. Изношенное оборудование и давление начальства рождали не только недовольство и усталость, но и особую креативность рабочих: умение чинить «на ходу», обмениваться решениями, поддерживать друг друга. Эти практики одновременно воспроизводили иерархию — кто «лучший оператор», кто «смекалистее» — и создавали чувство коллективной компетентности, гордости за «свою» бригаду.

Рефлексия здесь становится способом видеть участие изнутри: превращать собственный опыт в материал анализа. Как и у Буравого, аналитическая чувствительность рождается в моменты смещения — когда действие переходит в наблюдение, а проживаемое превращается в знание.

Обобщая вышесказанное, отмечу, что выделенные три уровня рефлексии можно рассматривать как разные фазы одного движения — от корректировки действий (методологическая) через анализ структурных рамок (структурная) к использованию собственного опыта как материала анализа (аналитическая). Вместе они описывают не линейную последовательность, а циркуляцию между позициями, ту самую лиминальную динамику, в которой вовлеченность превращается в знание. На практике эти уровни переплетаются: исследователь

¹² Если кто-то вырабатывал сверх нормы, он «портил расценки» (spoiled the rate) не только себе, но и всем. После пересмотра нормы заработной платы всей группы падали.

одновременно реагирует, осмысляет и анализирует. Рефлексия в этом смысле — не заключительный этап исследования, а форма присутствия в поле и в науке: способ удерживать двойственность участия и наблюдения, превращая лиминальное положение в источник познания.

Участие и степени «инсайдерства»

Рассмотренные примеры показывают, что знание в поле возникает не из фиксированной позиции, а из движения между ролями и степенями вовлеченности. Соня Корбин-Двайер и Дженнифер Бакл показывают, что обсуждение позиции исследователя в качественных методах слишком долго оставалось в бинарной логике: *инсайдер* или *аутсайдер* [Dwyer, Buckle, 2009]. На практике же большинство исследователей занимают промежуточное положение, где принадлежность к сообществу и аналитическая дистанция сочетаются и взаимно формируют друг друга [Dwyer, Buckle, 2009: 60–62]. Такое положение и подвижность внутри включенности и между включенностью и дистанцией создают поле ролевых возможностей, внутри которых и формируется лиминальное знание [Dwyer, Buckle, 2009; Narayan, 1993].

Чтобы аналитически различить позиции в поле, полезно говорить не о статичных категориях, а о режимах участия — способах быть в поле, каждый из которых предполагает особую форму рефлексии. Далее я рассмотрю четыре таких режима участия этнографа: участник по опыту, участник в роли, участник по умолчанию и участник в роли по опыту.

Позиция *участник по опыту* основана на разделении с участниками исследования схожего жизненного опыта — утраты, болезни, эмиграции, гендерной или религиозной идентичности. В данном случае опыт становится ресурсом доверия и понимания, создает чувство узнавания, но не устраняет различие. С. Дуайер и Дж. Бакл называют это *пространством между* (the space between), где исследователь принадлежит группе по опыту, но сохраняет аналитическую дистанцию [Dwyer, Buckle, 2009]. Такой режим характерен для феминистских и автоэтнографических проектов [DeVault, 1990; Ellis, 1995; Frank, 1995; Browne, Nash, 2010]. Здесь личная биография не заменяет анализ, а делает его телесным и аффективно чувствительным: исследователь знает, как переживаются страх, боль или стыд, но способен распознавать эти состояния как социальные действия.

Вторая позиция — *участник в роли* — связана с методическим вхождением в роль. Исследователь действует в социальной среде как участник, но удерживает аналитическое осознание этой включенности. Это классическая стратегия «наблюдающего участия» — от этнографии Кирстен Хаструп до заводских исследований Майкла Буравого. Роль здесь становится инструментом и доступа, и понимания: именно через участие в действиях — доение коров, ремонт машин, выполнение норм — исследователь постигает внутреннюю логику социальных отношений, не теряя способности анализировать.

Третья позиция — *участник по умолчанию* — предполагает, что исследователь по умолчанию принадлежит той же культурной или социальной среде, что и его информанты. Преимуществом в данном случае выступают доверие и знание культурных смыслов, но возникает риск ослабления аналитической чувствительности. Хаммерсли и Аткинсон называют это потерей «этнографического удивления» [Hammersley, Atkinson, 2019: 117].

Так, Карин Клеман, изучая производственные отношения, обратила внимание на неформальные практики среди рабочих российских предприятий. Ее удивило то, что она назвала «невыплатой "скрытых" трудозатрат»: кузнец-штамповщик мог инициативно заниматься наладкой оборудования для своей работы, хотя это не входило в его обязанности и не оплачивалось [Клеман, 2003: 63]. Когда я впервые прочитала Клеман, я уже полгода работала на фабрике и такие практики казались мне в порядке вещей. Прежде я не имела опыта работы на производстве, но разделяла с участниками поле общего культурного фона, и поэтому сразу не заметила очевидного.

Наконец, позиция *участник в роли по опыту* предполагает, что исследователь постепенно движется от прожитого опыта к его анализу. Это движение изнутри наружу, когда повседневная жизнь становится материалом для научного осмысления. Классический пример такого позиционирования этнографического участия — исследования Нильса Андерсона, который жил жизнью кочующих рабочих, а позже, став социологом, аналитически осмыслил этот опыт. Похожим образом Герберт Аппельбаум, инженер-строитель с двадцатипятилетним стажем, проводил этнографию труда, не покидая своей профессиональной среды. В таких случаях рефлексия возникает не из академической дистанции, а из практики переосмысления прожитого, неизменно погруженной в контекст.

Таким образом, участие в поле — не просто способ сбора данных, а способ конституирования исследовательского взгляда. Ролевые переходы, разные степени «инсайдерства» и формы участия — это источники эпистемологической чувствительности. Именно в этих переходах — между опытом и анализом, действием и рефлексией — и возникает *лиминальное знание*.

Заключение

Спустя полгода работы на фабрике я сделала следующую, достаточно экспрессивную запись в дневник наблюдения:

«Хотите посмотреть на жизнь глазами рабочего? Попробуйте отпахать неделю в ночную смену, по восемь часов на ногах. Таскать тяжелые лотки, укладывать что-то вручную. А потом спать урывками, есть без аппетита, открывать книгу и осознавать свою беспомощность перед лицом любой формы интеллектуального досуга... Теперь я отлично понимаю, почему в конце недели рука рабочего тянется к бутылке пива, почему "книгам, театрам, философским беседам"

предпочитают онлайн-игры в “Одноклассниках”. Нет сил даже от-крыть крышку ноутбука»¹³ (28.01.2017).

Эта запись — не просто эффект «слишком глубокого вживания» в роль. С одной стороны, это следствие ролевой двойственности, а с другой — условие для лиминального знания. То, что легко объявить риском «стать своим», на деле и есть источник знания: телесная усталость, сбитые ритмы сна, мелкая гордость за «сделанную норму», стихийные практики взаимопомощи — весь этот опыт, если он систематически рефлексруется, превращается в материал для анализа. Мой аргумент здесь довольно прост: полное участие не само по себе ценно и не само по себе опасно. Оно опасно без рефлексии, ровно как и ценно участие, которое непрерывно переводится в три вида работы над собой и данными: методологическую (как я действую и записываю), структурную (какие позиции и иерархии делают мой взгляд возможным) и аналитическую (как пережитое становится единицей смысла).

В этой триаде режимов рефлексивности и рождается лиминальное знание — знание «между», которое не отменяет дистанции, а воссоздает ее изнутри действия. Этнография в таком понимании — не наблюдение за «естественной» реальностью и не сплошная провокация «искусственного» поведения, а совместная сцена, где исследователь и участники заново собирают повседневность. В этом случае задача исследователя — не скрывать собственные переходы между ролями, а делать их видимыми: последовательно фиксировать их в полевом дневнике, осмыслять и включать в анализ. Именно так участие становится способом познания.

Литература / References

Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003.

Alekseev A. N. (2003) *Dramaticheskaya sociologiya i sociologicheskaya autorefleksiya* [Dramatic Sociology and Sociological Self-Reflection]. Vol. 1. SPb: Norma. (In Russ.)

Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 62–62. EDN: [OOOTKN](#)

Clément K. (2003) Informal Practices by Russian Labor. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. P. 62–63. (In Russ.)

Пинчук О. «Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включенного наблюдения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 15. С. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.2%20>

Pinchuk O. (2018) “Unconventional” Working Conditions of Women’s Industrial Labor: The Experience of Participant Observation. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 10. No. 15. P. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.2%20> (In Russ.)

Пинчук О. В. Мастерство в труде: «Ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике «Iriski» // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 68–92. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92>

¹³ Эта цитата приводилась ранее в [Пинчук, 2021: 149].

Pinchuk O.V. (2022) Workmanship: "Task Orientation" and "Coping" with Worn-out Equipment at the "Iriski" Candy Factory. *Antropologicheskiiy forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 54. P. 68–92. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92> (In Russ.)

Пинчук О. В. Особенности методологии наблюдающего участия в этнографических исследованиях труда и рабочего места: Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03. М.: НИУ ВШЭ, 2025.

Pinchuk O.V. (2025) *Osobennosti metodologii nablyudayushchego uchastiya v etnograficheskikh issledovaniyakh truda i rabochego mesta* [Features of the Methodology of Observant Participation in Ethnography of Work and the Workplace]. Dis. kand. nauk. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)

Пинчук О. В. Сбои и поломки: этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М.: ФПСИ «Хамовники»; Common Place, 2021.

Pinchuk O.V. (2021) *Sboi i polomki: etnograficheskoe issledovanie truda fabrichnykh rabochikh* [Failures and Breakdowns: An Ethnographic Study of Factory Workers' Labor]. Moscow: FPSI "Hamovniki"; Common Place. (In Russ.)

Пинчук О. В. «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексеева // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4> EDN: ACEDYA

Pinchuk O.V. (2022) "Partisanship" at the Late Soviet Factory through the Prism of Andrey Alekseev's Dramatic Sociology. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 14. No. 3. P. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4> (In Russ.)

Утехин И. В. Я попытался взглянуть на повседневность взглядом иностранца // Arzamas. 2023. URL: <https://arzamas.academy/materials/598> (дата обращения: 26.10.2025).

Utekhin I.V. (2023) Ya popytalsya vzglyanut na povsednevnost vzglyadom inostrancza [I Tried to Look at Everyday Life through the Eyes of a Foreigner]. *Arzamas*. URL: <https://arzamas.academy/materials/598> (accessed: 26.10.2025). (In Russ.)

Adler P.A., Adler P. (1987) *Membership Roles in Field Research*. Newbury Park: SAGE. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412984973>

Adloff F., Wacquant L. (2015) For a Sociology of Flesh and Blood: Questions to Loïc Wacquant. In: Adloff F., Gerund K., Kaldewey D. (eds.) *Revealing Tacit Knowledge: Embodiment and Explication*. Bielefeld: Transcript. P. 85–194.

Atkinson P. (2014) *For Ethnography*. London: SAGE.

Bayeck R.Y. (2022) Positionality: The Interplay of Space, Context and Identity. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 21. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069221114745>

Becker H.S. (1958) Problems of Inference and Proof in Participant Observation. *American Sociological Review*. Vol. 23. No. 6. P. 652–660. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2015.2164>

Bell K. (2019) The "Problem" of Undesigned Relationality: Ethnographic Fieldwork, Dual Roles and Research Ethics. *Ethnography*. Vol. 20. No. 1. P. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/1466138118807236>

Berger P., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books.

Bourdieu P. (2003) Participant Objectivation. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 9. No. 2. P. 281–294. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.00150>

Browne K., Nash C.J. (eds.) (2010) *Queer Methods and Methodologies: Intersecting Queer Theories and Social Science Research*. London: Routledge/Ashgate.

Bukamal H. (2022) Deconstructing Insider–Outsider Researcher Positionality. *British Journal of Special Education*. Vol. 49. No. 3. P. 327–349. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8578.12426>

Burawoy M. (1982) *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press.

Burawoy M. (1998) The Extended Case Method. *Sociological Theory*. Vol. 16. No. 1. P. 4–33

Calvey D. (2017) *Covert Research: The Art, Politics and Ethics of Undercover Fieldwork*. London: SAGE. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473920835>

- Clifford J. (1986) Introduction: Partial Truths. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520946286-003>
- Clifford J., Marcus G.E. (1986) *The Poetics and Politics of Ethnography*. LA; London: University of California.
- Coffey A. (1999) *The Ethnographic Self: Fieldwork and the Representation of Identity*. London: SAGE.
- Coghlan D. (2007) Insider Action Research: Opportunities and Challenges. *Management Research News*. Vol. 30. No. 5. P. 335–343. DOI: <https://doi.org/10.1108/01409170710746337>
- Csordas T.J. (ed.) (1994) *Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and Self*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davies C.A. (2008) *Reflexive Ethnography (2nd ed.)*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203822272>
- Denzin N.K. (2018) *The Qualitative Manifesto: A Call to Arms. Classic Edition*. London; New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429449987>
- DeVault M.L. (1990) Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis. *Social Problems*. Vol. 37. No. 1. P. 96–116.
- DeWalt K.M., DeWalt B.R. (2011) *Participant Observation: A Guide for Fieldworkers. 2nd ed.* Lanham: AltaMira Press.
- Dwyer S.C., Buckle J.L. (2009) The Space Between: On Being an Insider-Outsider in Qualitative Research. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 8. No. 1. P. 54–63.
- Ellis C. (1995) *Final Negotiations: A Story of Love, Loss, and Chronic Illness*. Philadelphia: Temple University Press.
- Emerson R.M., Fretz R.I., Shaw L.L. (2011) *Writing Ethnographic Fieldnotes. 2nd ed.* Chicago; London: University of Chicago Press.
- Fine G.A. (1993) Ten Lies of Ethnography: Moral Dilemmas of Field Research. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 22. No. 3. P. 267–294. DOI: <https://doi.org/10.1177/089124193022003001>
- Fine G.A., Abramson C.M. (2020) Ethnography in the Time of COVID-19: Vectors and the Vulnerable. *Etnografia e Ricerca Qualitativa*. Vol. 13. No. 2. P. 165–174.
- Fisher J.A., Monahan T. (2023) Mutual Emotional Labor as Method: Building Connections of Care in Qualitative Research. *The Qualitative Report*. Vol. 28. No.11. P. 3192–3212. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2023.6251>
- Forberg P., Schilt K. (2023) What Is Ethnographic about Digital Ethnography? A Sociological Perspective. *Frontiers in Sociology*. Vol. 8. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2023.1156776>
- Frank A.W. (1995) *The Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. DOI: <https://doi.org/10.2307/2574750>
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books. DOI: <https://doi.org/10.15581/009.35.31543>
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City: Doubleday Anchor Books.
- Gold R.L. (1957) Roles in Sociological Field Observations. *Social Forces*. Vol. 36. No. 3. P. 217–223. DOI: <https://doi.org/10.2307/2573805>
- Hammersley M., Atkinson P. (2007) *Ethnography: Principles in Practice. 3rd ed.* London; New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203944769>
- Hammersley M., Atkinson P. (2019) *Ethnography: Principles in Practice. 4th ed.* London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315146027>
- Hastrup K. (1995) *A Passage to Anthropology: Between Experience and Theory*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203352250>
- Hastrup K. (1992) Anthropological Visions: Some Notes on Visual and Bodily Evidence. In: Wright C., Morphy H. (eds.) *The Anthropology of Art and Aesthetics*. Oxford: Clarendon Press. P. 8–25.

- Hastrup K. (1990) The Ethnographic Present: A Reinvention. *Cultural Anthropology*. Vol. 5. No. 1. P. 45–61. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1990.5.1.02a00030>
- Hayano D.M. (1982) *Poker Faces: The Life and Work of Professional Card Players*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/2067647>
- Hughes E.C. (1993) *The Sociological Eye: Selected Papers*. New Brunswick: Transaction.
- Katz J. (1999) *How Emotions Work*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kim J.J., Levitan J., Kirsch D. (2023) Digitally Shaped Ethnographic Relationships during a Global Pandemic and Beyond. *Frontiers in Communication*. Vol. 23. No. 3. P. 809–824. DOI: <https://doi.org/10.1177/14687941211052275>
- Kolankiewicz M. (2005) Between Science and Life—Malinowski's and Hastrup's Fieldwork Experiences. *Antropologias*. No. 9. P. 331–352.
- Krause M. (2021) On Sociological Reflexivity. *Sociological Theory*. Vol. 39. No. 1. P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275121995213>
- LeCompte M.D., Schensul J.J. (2010) *Designing and Conducting Ethnographic Research*. London: Bloomsbury Publishing.
- Malinowski B. (1922) *Argonauts of the Western Pacific*. London: Routledge & Kegan Paul.
- McGranahan C. (ed.) (2020) *Writing Anthropology: Essays on Craft and Commitment*. Durham: Duke University Press.
- Mercer J. (2007) The Challenges of Insider Research in Educational Institutions: Wielding a Double-Edged Sword and Resolving Delicate Dilemmas. *Oxford Review of Education*. Vol. 33. No. 1. P. 1–17.
- Monahan T. (2010) The Benefits of “Observer Effects”: Lessons from the Field. *Qualitative Research*. Vol. 10. No. 3. P. 357–376. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794110362874>
- Mullings B. (1999) Insider or Outsider, Both or Neither: Some Dilemmas of Interviewing in a Cross-Cultural Setting. *Geoforum*. Vol. 30. No. 4. P. 337–350. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0016-7185\(99\)00025-1](https://doi.org/10.1016/S0016-7185(99)00025-1)
- Narayan K. (1993) How Native Is a “Native” Anthropologist? *American Anthropologist*. Vol. 95. No. 3. P. 671–686. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1993.95.3.02A00070>
- O'Reilly K. (2009) *Key Concepts in Ethnography*. London: SAGE Publications.
- Pink S. (2015) *Doing Sensory Ethnography*. 2nd ed. London: SAGE/Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446249383>
- Polanyi M. (2009) *The Tacit Dimension*. Chicago: University of Chicago Press.
- Råheim M., Magnussen L.V., Tveit Sekse R.J., Lunde A., Jacobsen T., Blystad A. (2016) Researcher–Researched Relationship in Qualitative Research: Shifts in Positions and Researcher Vulnerability. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. Vol. 11. No. 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.3402/qhw.v11.30996>
- Robey D., Taylor W.T.F. (2018) Engaged Participant Observation: An Integrative Approach to Qualitative Field Research for Practitioner-Scholars. *Engaged Management ReView*. Vol. 2. No. 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.28953/2375-8643.1028>
- Rogers-Shaw C., Choi J., Carr-Chellman A. (2021) Understanding and Managing the Emotional Labor of Qualitative Research. *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 22. No. 3. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-22.3.3652>
- Rubinstein R.A. (1991) Reflection and Reflexivity in Anthropology. In: *Doing Fieldwork: The Correspondence of Robert Redfield and Sol Tax*. Boulder: Westview Press. P. 1–35.
- Ryder A. (2021) Critical Ethnography and Research Relationships: Some Ethical Dilemmas. *Anthropology and Humanism*. Vol. 46. No. 2. P. 300–314. DOI: <https://doi.org/10.1111/anhu.12337>
- Ryle G. (2000) *The Concept of Mind*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203875858>
- Seim J. (2024) Participant Observation, Observant Participation, and Hybrid Ethnography. *Sociological Methods & Research*. Vol. 53. No. 1. P. 121–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124120986209>

- Shanin T. (1990) *Defining Peasantries*. Oxford: Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.2307/2803896>
- Shanin T. (ed.). (1994) *Reflexivity and Social Science: A Dialogue*. London: Sage. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-585-28187-2_1
- Spradley J.P. (1980) *Participant Observation*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Stodulka T. (2015) Emotion Work, Ethnography, and Survival Strategies on the Streets of Yogyakarta. *Medical Anthropology*. Vol. 34. No. 1. P. 84–97. DOI: <https://doi.org/10.1080/01459740.2014.916706>
- Wacquant L. (2004) *Body & Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1086/425391>
- Wacquant L. (2005) Carnal Connections: On Embodiment, Apprenticeship, and Membership. *Qualitative Sociology*. Vol. 28. No. 4. P. 445–474. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11133-005-8367-0>
- Watson A., Lupton D., Michael M. (2022) Remote Fieldwork in Homes During the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 21. No. 2. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069221078376>
- Watts J.H. (2010) Ethical and Practical Challenges of Participant Observation in Sensitive Health Research. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 14. No. 4. P. 301–312. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645579.2010.517658>
- Yip S.Y. (2024) Positionality and Reflexivity: Negotiating Insider–Outsider Dynamics in Cross-Cultural Research. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 47. No. 3. P. 222–232. DOI: <https://doi.org/10.1080/1743727X.2023.2266375>
- Young M.W. (2014) *Malinowski: Odyssey of an Anthropologist, 1884–1920*. New Haven: Yale University Press.

Сведения об авторе:

Пинчук Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, Университет Фрибура, Фрибур, Швейцария. **E-mail:** pinchuk_olya@list.ru. **РИНЦ Author ID:** 408787; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-9671; **Researcher ID:** AAZ-1435-2021.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2025

Принята к публикации: 10.12.2025

BAK: 5.4.1

At the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.2

Olga V. Pinchuk

University of Fribourg, Fribourg, Switzerland

Email: pinchuk_olya@list.ru

This article reinterprets the ethnographer's role duality not as an ethical or methodological problem but as an epistemological condition of knowledge production. Drawing on Erving Goffman's concept of the "interaction order", I argue that the researcher is inevitably involved in sustaining a shared "scene," where their position is co-constructed with other participants.

This perspective allows us to reassemble the classic opposition between the “natural” and the “provoked”: in field everydayness, the “natural” is the outcome of continuous mutual adjustments, while the researcher’s presence is part of the normal course of events rather than its distortion. On this basis, the article introduces the concept of liminal knowledge that is knowledge emerging in the transitions between participation and observation, where shifting role boundaries and the very act of moving between them become sources of analytical sensitivity. I propose three interrelated levels of reflexivity as forms of presence: first, methodological reflexivity (reaction and adjustment of participation strategies during fieldwork); second, structural reflexivity (participant objectivation of the social conditions of knowledge, following P. Bourdieu); and third, analytical reflexivity (use of the researcher’s bodily, affective, and practical experiences as empirical material). Empirically, the argument draws on an ethnographic study of factory labor (the author’s experience as a candy packer/operator) and shows how norm fulfillment, creativity around equipment breakdowns, and local forms of solidarity become visible only from within participation — when the researcher simultaneously acts and analyzes action. The conclusion offers a working typology of participation modes (participant by experience; participant in role; participant by default; participant in role by experience), illustrating the spectrum of intermediate positions between “insider” and “outsider.” The theoretical contribution lies in operationalizing liminal knowledge through systematic reflexivity and redefining ethnographic validity as the transparency and interpretive awareness of transitions between roles.

Keywords: ethnography; role duality; reflexivity; liminal knowledge; insider position; outsider position; interaction order; participation; observation

Author Bio:

Olga V. Pinchuk — Candidate of Sociology, University of Fribourg, Fribourg, Switzerland. **Email:** pinchuk_olya@list.ru. **RSCI Author ID:** 408787; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-9671; **Researcher ID:** AAZ-1435-2021.

Received: 29.10.2025

Accepted: 10.12.2025